

Надежда Ламба

**СКАЗКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**

Надежда Ламба

Сказки для взрослых

«Автор»

2025

Ламба Н. Н.

Сказки для взрослых / Н. Н. Ламба — «Автор», 2025

Сказка ложь, да в ней намек - добрым молодцам урок! Сказка - древнейшее устное народное творчество... сколько их было, сказителей... и сколько их еще будет... Сказка - художественное осмысление жизненных явлений в ярких кратких образах. "Райская поляна" - последняя сказки в данном цикле. Это обобщенный образ Высокого Восхитительного Искусства, созданного Великими Творцами!, которое всегда будет существовать, пока жив Человек!! "Сильными ветрами и легкими дуновениями по всему свету разносятся творения Великих Мастеров, пылавших и пылающих несбыточной Любовью, преломленной в вечное стремление к совершенству. И опутывается солнечной паутиной любви и Красоты шар Земной. Разве это сказка?

© Ламба Н. Н., 2025

© Автор, 2025

Надежда Ламба

Сказки для взрослых

Новогодняя сказка.

Жила на свете девочка Надя. Она очень любила праздники, а главное, ей нравилось дарить и получать подарки. А сейчас как раз самый главный праздник – Новый год! И какой замечательный! Только что пробило 12 часов и ей, как большой, налили бокал Шампанского (ну и что, что не совсем полный). А ещё в эту новогоднюю ночь её не уложили спать раньше всех, как маленькую. Надя теперь большая. Ей уже 6 лет. И сейчас, в своём новом серебряном платье, подаренном на День рождения, она – настоящая принцесса. Да, так папа сказал. И она с удовольствием тряхнула прелестными русыми кудряшками. Зачем только мама вечно плетёт косу, а бабушка эти глупые барашки с бантами ... и Надя, слегка подпрыгнув и прокрутившись на одной ножке, потом на другой, заглянула в зеркало. А ещё на этот Новый год она получила в подарок очень серьёзную книгу – «Как жили люди». Ах, какая книга! Вся в замечательных картинках. И сейчас она будет читать всю ночь в постели, как бабушка. А в новогоднюю ночь чудеса случаются ... не всегда конечно, и не со всеми ...

И она открыла свою книгу. Ах, какая картинка!

Зелёная яркая трава и белый шатёр с красной каймой. Понятно. Шатёр военачальника. Рыцари на конях, в шлемах, доспехах, со щитами, мечами, пиками. А на белом златогривом коне сам военачальник.

Но ... почему она, в своём принцессном платье стоит на зелёной траве? Ведь сейчас снег кругом? А ... наконец-то ... это же чудеса начинаются ... Трава яркая, как нарисованная, и какой прекрасный, роскошный шатёр!

Надя, как зачарованная, идёт к шатру. Но ... почему нет никого и так тихо? Она заглядывает в шатёр – зелёная трава и только. Надя в недоумении входит в непонятный шатёр ... и ... на неё обрушился топот несущихся со всех сторон рыже-коричневых баранов с загнутыми рогами. В безвременье, напористо и упрямо они проносятся бесконечными стадами, скатываясь лавиной звучных теней на перепуганную Надю, нисколько не задевая её. Свирепый чёрный бык с огромными рогами – бессменный Водитель бараньих толп.

Надя опять на яркой траве. Шатёр превратился в большой, довольно обшарпанный балаган. Из балагана появился господин в очень приличном чёрном костюме с бабочкой. Импресарио, директор театра. Наде сразу стало ясно: он и свирепый чёрный бык – это одно и то же. Импресарио взглянул на неё своими воловьими глазами и понял – она не пойдёт в балаган.

Ну, вот ... даже ребёнок нас смотреть не хочет, – вздохнул он, сокрушаясь. – Действительно ... смотреть нечего.

И вдруг, Надя ощутила себя совсем взрослой. Она превратилась в Прекрасную, Лучезарную Надежду. Светило солнце и лёгкий ветерок обвевал её.

А балаган стал вовсе не большим. Она взглянула на маленького расстроенного импресарио, быстро наклонилась, подняла его и сказала:

«Скажи всем, всем своим актёрам. Завтра будет праздник. И будет много, много подарков». А свирепый бык-импрессарио, так трогательно оробел и затрепетал в её руках, что Надя, прижав его к себе как любимую куклу, закружилась в танце. И начался праздник.

Среди сумрачного театра, очень похожего на древний Колизей, стояла в своём новогоднем серебряном платье Надя, высоко держа над головой сияющий бенгальский огонь. На весь огромный зал радостно звенел её взволнованный детский голосок:

– Всем – Всем – Всем ... Радость – Счастье! Всем – Всем – Всем ...

Радость – Счастье!

И сияющие искры бенгальского огня заполняли и заполняли собой светлеющий громадный зал. Кругом кружилось сказочное сияние, а искры сыпались, сыпались, сыпались. Они блестели в глазах актёров, они согревали им души и сердца. Зазвучала торжественно-величавая музыка. Балаган заколебался и, медленно поднимаясь, начал растворяться в воздухе, открывая Вечные Голубые Небеса.

Сон ли, явь ли, разве это важно, если Счастье в мире есть и оно – Прекрасно.

Скрипка Страдивари.

Развитие души идёт через духовные и физические травмы.

С. Н. Лазарев.

Люби не себя в искусстве, а искусство в себе.

К. С. Станиславский.

Счастливая, прекрасная Ель в полном расцвете сил наслаждается жизнью. Ей кажется (обычное состояние молодости), что так будет вечно.

Как хорошо ощущать в себе весеннее пробуждение, как она рада всему: солнцу, птицам, небесам! Какое наслаждение шептаться с ласковым, тёплым ветром! Где только не бывал он и как много знает, этот милый очаровательный ветер. А дождь? Дождь тоже хорош. Как он волнует, нежит, освежает. Если б могла, запела б от счастья и полетела как ветер далеко-далеко, высоко-высоко ...

В мечтательном воображении Ель вся колышется ветвями, искрясь росой в лучах восходящего солнца. Как хорошо, чудесно, прекрасно так жить, жить, жить ... Она не слышала приближающихся шагов, не почувствовала опасность. Как же это, так?!

Ель срублена ужасным, роковым ударом топора.

Зачем? За что? Почему? Почему именно её? Это жестоко, несправедливо!

И так много лет Прекрасная Ель служит невзрачной доской в сером заборе. Ветер, когда-то милый и ласковый, равнодушно пробегает мимо; холодно барабанит дождь; солнце сушит – день за днём, год за годом. Тоска!

И вот однажды рядом с забором остановился высокий худощавый человек. Он пронзительно взглянул на неё. Ель, ничего не понимая, затрепетала. Странная робость овладела ей, а он вдруг начал её выстукивать длинными крепкими пальцами, вслушиваясь в каждый звук.

Так, так ... хорошо ... кажется то, что надо – удовлетворённо бормотал человек, поглаживая и внимательно разглядывая обомлевше-взволнованную Ель.

И вдруг – хулиганство, наглость какая! Он выламывает её из забора!

Куда? Зачем? Почему? ... Держите вора, вора держите!!

Странно, непонятно всё – никто не останавливает наглеца, напротив, кланяясь, его

почтительно

приветствуют:

Bion

giorno, signore Antonio.

О, какой страшный мучитель этот синьор Антонио! Много дней ранним утром, в своём неизменном белом кожаном переднике и белом шерстяном берете, на солнечной террасе своего дома, он упорно занимается ею – режет, точит, пилит, строгаёт. В огромном творческом напряжении предощущения звука Антонио Страдивари создаёт скрипку. Ель обречена вынести всё – над ней работает Мастер.

И вот она превращена в деку. Вот она уже часть скрипки. Он настраивает деки, рассчитывает распределения напряжений. Под его умелыми руками рождается дивный тембр с преобладанием средних частот. Он слухом ощущает размеры толщин. Это страстный охотник за совершенным звуком – скрипка должна петь – он слышит, чувствует, ощущает этот дивный, божественный звук, преследующий его как наваждение, не дающий покоя ни днём, ни ночью. Он – Творец! Он одержим работой. Ночами просиживает Страдивари в своей тайной комнате, добываясь небывалых совершеннейших свойств лака.

И наконец скрипка готова. Она, покрытая лаком, висит на длинной полосе пергамента, протянутой вдоль бревенчатой стены террасы.

Инструмент – чудо! Глаз не оторвать: помимо дивной формы, её шейка и бочки искусно разрисованы резвящимися купидончиками, цветками лилии, плодами.

Мастер коснулся смычком инструмента – ... дивный, божественный звук! ... Поёт! Поёт красавица, сокровище моё! – Антонио горд, счастлив. Это шедевр. Да, стоит жить, чтобы создавать такие скрипки! И под силу это только Антонио Страдивари! Никому, никогда не отдаст он секрет своего мастерства! Никому и никогда!

Перенеся все страдания, все муки перехода в совершенство, Ель наконец-то обрела голос – она поёт в скрипке. Какое счастье!

В сотворчестве музыкантов и композиторов она живёт активной, прекрасной, творческой жизнью, создавая и даря изумительную, волшебную

музыку. Сколько великих музыкантов играло на ней! В скольких залах царила она! Сколько людей восхищённо внимало её голосу!

Значит не напрасны были страдания. Вот зачем её когда-то срубили. И сейчас никогда бы не променяла она свою судьбу на жизнь обыкновенной лесной ёлки. Лишь одна безутешная мысль отравляет её счастье – зачем он это сделал? Зачем не оставил своих секретов? Почему не захотел подарить своё мастерство людям?

Скрипки Страдивари не вечны, а замены им нет – вот что печалило Прекрасную скрипку. Она пела – нельзя быть себялюбцем! Мой Бог, мой Страдивари, сколько сейчас звучало бы чудных скрипок, как все были бы благодарны тебе, если бы ты не унёс свой секрет в могилу.

Ты думал только о своём величии, мой бедный Антонио! А дело, для которого ты жил, почти исчезло. Гордый безумец Страдивари, что ты наделал? – изливала свою тоску-печаль Старая Скрипка. – Разве можно так?

мой Бог, мой Страдивари ...

Берёза.

Ребята, давайте жить дружно.

(Кот Леопольд).

На нашей прекрасной планете, в неизвестно каком лесу, выросла Берёза. Она жила обычной сложной жизнью, но была как-то особенно хороша. И однажды разразилась страшная гроза. С грохочущих разгневанных небес срывались молнии и жгли деревья. Той ужасной ночью, одна из молний так близко ударила в землю от Берёзы, что запуталась в её корнях.

И, после этого, в Берёзе появились странности.

Неожиданно, некоторая часть корней вылезла из земли и, увидев сияющий стройный ствол и роскошную крону, почернела от зависти. Ствол стал раздражаться противоречиями сердцевины и коры. Каждая из них яростно доказывала собственную значимость и превосходство. Единственно, что их объединяло – это презрение к корням и кроне.

Ветви вдруг увлеклись самолюбованием. И, почему-то, каждая из них считала, что, если во время ветра или дождя, она сумеет отхлестать или как-то изувечить соседок, то её красота, на фоне их безобразия, станет совершенно неотразимой.

А каждый листок старался изо всех сил доказать, что он самый лучший не только на родной Берёзе, но и во всём лесу. Между собой ветви и листья тоже не ладили, но относились дружно-наплевательски к стволу и корням. И стала чахнуть, сохнуть Берёза. Листва её пожухла, ветви скрючились, ствол потемнел.

Забеспокоились, затревожились глубокие корни, а самые древние из них, пытаясь сохранить жизнь Берёзе, стали всё глубже укрепляться в земле. И дошли они до мудрых подземных вод и стали рассказывать им о своей беде.

– Не может быть, – всплеснулись грунтовые воды. – Нет, нет, так не бывает!

И они выплеснулись из земли фонтаном и ... ЗАХОХОТАЛИ!!

Поразившись нелепостью и абсурдностью самоуничтожения, Фонтан грунтовых вод захлёбывался в приступе неудержимого смеха, разбрызгивая по всему лесу звонко хохочущие струи.

И, о чудо, Берёза зазеленела, ветви её распрямились, корни ушли в землю, а ствол забелел чистотой. И стала она хорошеть день ото дня.

А однажды, в яркий зимний полдень, само Солнце zalюбовалось ею.

Берёза смутилась, а ветви её, посеребрённые инеем, радостно зазвенели:

– Мы – берёзиство ... берёзиство ... берёзиство ...

Бабушка и внучек.

Плоть – ничто; дух есть сила животворящая.

Леви Х. Доулинг.

Красота спасёт мир.

Ф. М. Достоевский.

– Смотри, смотри бабушка моё лучастое солнышко. Во – какое! На весь лист разрисовалось! Я ведь прав, прав, да? Дай мне ещё листик и поточи этот карандашик, мне собаку рисовать надо.

– Что ж такое он сказал? ... вот память ... никак не вспомню.

Малыш взял отточенный карандаш и увлечённо рисует.

– Вот она собака ... прыгает в травке и лает, прыгает и лает, прыгает и лает ... во –!, как высоко прыгнула! ... мм ... а солнышко лучастое с того листа пусть светит. Я ведь прав, прав да?

Правда – вот, что он образовал. Это же двойное подтверждение истины

– Прав да!

Софья Александровна в уме выстраивает однокоренные слова: правда, правый, править, правильно, направлять, справедливость, правосудие, правительство, праведник. Однако, как изначально мудр наш язык, какие

перлы сокрыты в нём. Конечно, по здравому смыслу так и должно быть – управлять государством должны праведники. Люди с чистым незлобивым сердцем, справедливые, мудрые, честные, добрые, бескорыстные, прекрасные, любящие всех и почитаемые и любимые всеми – должны

править. О ... если б так было ... (бабушка даже закрыла глаза от внезапно нахлынувшей восторженной волны). Неужели возможна такая правда?

– Какая правда? – с любопытным вниманием смотрят широко раскрытые глаза внука.

Бабушка смущённо-растерянно улыбается.

– Какая правда, бабушка?

– Правда всегда одна, а лжи может быть много.

– А почему?

– Вот смотри, твоё солнышко – большое, яркое, рыжее, так?

– Так.

– А если кто-нибудь скажет, что оно зелёное, это будет неправда, ложь.

А ещё кто-то скажет, что оно синее, голубое, чёрное, белое в крапинку и клетчатое в полосочку (внук смеётся) – а оно рыжее и все, все цвета, кроме рыжего – ложь.

– А для чего ложь?

– Для дезориентации.

Коленка беззвучно шевелит губками, мордашка напряжённая.

– А свобода что?

Бабушка берёт внука на руки.

– Ну вот. Ручки твои свободны, а ножки я держу. Значит ножки сейчас не свободны. А если я тебе скажу – солнышко рисовать нельзя, это никому не нужно. Рисовать можно только квадраты, большие и маленькие, самых разных цветов и оттенков. Это будет значить – нет свободы творчества. Давай нарисуй что-нибудь, а я пойду кушать приготовлю.

Про свободу спросил, где-то услышал, слово понравилось. Объяснила сложновато, наверное, но что-то понял, конечно, по-своему. А вообще-то, в реальности свободы нет. Это непродуманная абстракция. Всё в жизни взаимосвязано и взаимозависимо. Равенство также непродуманная абстракция. Нет никакого равенства, не может быть. Всё состоит из бесконечного множества разнообразий, и каждая частичка многообразия несёт свою функцию и свою значимость. Каждая часть мироздания имеет свою определённо заданную нагрузку. Солнце всем светит равно и в его животворящих лучах вызревает в своём возможном совершенстве весь растительный мир.

В совершенном обществе законы должны быть подобны Солнцу, в лучах которого каждая жизнь может нормально развиваться в самосовершенствовании. Вот это и будет относительное осуществление

Свободы и Равенства. Идеальное законодательство (плод совместного творчества праведных людей) должно выстроить гармонично-многообразные связи.

А вот Братство – это истинная реальность. К примеру – Я (1 человек) сейчас живу в начале XXI века; мои родители (отец-мать, 2 человека) жили в середине-конце XX века; мои 2-е бабушки и 2-а дедушки (4 человека) жили в конце XIX и в начале-середине XX века; мои 4 прабабушки и 4 прадедушки (8 человек) жили в середине XIX начале XX века и т.д. Чем дальше в глубь веков, тем больше предков у каждого человека. С каждым предшествующим поколением родственные (забытые) связи удваиваются. В начале XVI века (1500 годы) у каждого из ныне живущих было примерно 1000 предков. А если ещё учесть, что людей было намного меньше, чем сейчас, то мы все переплетаемся в общей сети родственных связей, где всё смешано – разные социальные уровни и различные национальности. Также, никому из ныне живущих, неизвестно с кем мы сольёмся в общих потомках. Исходя из этой логики, человечество – единая семья.

Как счастливо можно жить в семье, где царят любовь, взаимные забота и внимание и где совершаются дела изначально нужные и полезные. Вот, к примеру, я сейчас готовлю еду. Делаю это для того, чтобы всех хорошо и вкусно накормить и не для чего более. Вторичного плана в моих действиях нет. Через это дело я выражаю любовь и заботу к своим близким. В любящей семье само собой складываются добрые, хорошие отношения.

Отчего же в общей семье человечества так дискомфортно, отчего это?

Духовная доминанта современного человечества – своекорыстие. В плане физического бытия это погоня за деньгами ради личного обогащения.

Приверженцы такого мироощущения устраивают вокруг себя забор материальности, в бесконечной погоне за которой душа деградирует. Этот вторичный иллюзорный план жизни затеняет и вытесняет истинный изначальноный смысл полезной необходимости. Чем большие обороты набирает иллюзорный вторичный план, тем с меньшей эффективностью функционируют все сферы общественной жизнедеятельности.

В общей духовной направленности своекорыстия естественно-закономерно во властно-управленческих структурах (от глобальных до самых малозначимых) оказываются в подавляющем большинстве люди, наиболее ярко и динамично вобравшие в себя общую идеологическую направленность.

Поэтому

так

малоэффективны

любые

меры,

предпринимаемые против коррупции, воровства, мошенничества, которые царят и процветают во всех сферах жизни и на всех уровнях.

Самосовершенствование – основной закон мироздания. Это бесконечное позитивное развитие. Человек, как частичка космического бытия, не должен своими устремлениями и делами противоречить этому всеобщему закону. Главная и вечная суть человечества – дух. Жизнь, выстроенная по нормам божественной гармонии, проживаемая в самосовершенствовании собственного духа – самодостаточна, перспективна, счастлива.

Весь земной план бытия это воплощённые мысли Бога-творца (весь наш мир) и человека-творца (пища, одежда, жильё, предметы быта, законодательство, духовное творчество и т. д.). Всё созданное Богом прекрасно. Человеческая жизнь, которую создаём мы сами, далека от совершенства.

Какой глубокий смысл заключён в высказывании Фёдора Михайловича Достоевского: Красота спасёт мир. Высокий дух проявляет себя на физическом плане бытия красотой (гармонией), выраженной многообразно и в самых различных аспектах – искусстве, науке, общественном служении, создании материальных ценностей и т. д.

Когда
духовной
доминантой
человечества
станет
самосовершенствование,
выражаемое
в
Любви
и
бескорыстном

доброделании, тогда само собой, закономерно-неизбежно во властно-управленческих структурах (от глобальных до самых незначительных) окажутся в преобладающем большинстве праведники и тогда

– Смотри, смотри бабушка моего обманного зайца. Он смеётся тому, что синенький!

– Чудный заяц ... ишь ..., смеётся-то как ... Ты ж моя умничка. Давай ручки помоем, покушаем и гулять пойдём. Там, наверное, Алиса с бабушкой нас уже ждут.

Приятный зимний вечер.

– Ники, иди ужинать.

– Ну, мамочка, дай сказочку послушать.

– А что за сказочка?

– Про Горыныча. Скоро кончу. Пусть пока кашка остынет.

– Хорошо.

Размахнулся Иван и срубил Змею-Горынычу голову. Зашатался, застонал Змеюшка, затопил своей кровушкой всю страну Иванову. Налетели

тут ветры злобные, затащили небо тучи мрачные. Ох, гремела-сатанела гроза

лютая, златой молнией меж угрюмых скал металась, рыдая, корона царская, осыпаясь слезами бриллиантовыми. Спустился Иван с чёрных голых скал: жуть – красно всё. Тягостно-тоскливо 7 дней прошло. А на утро 8-го дня

солнышко выглянуло. А в лучах его ясных Змей-Горыныч о трёх лихих головах бодро-уверенно с горы спускается и погано эдак ухмыляется.

– Удружил нам, товарищ Иван, архи удружил – рявкнула, изрыгнув пламя, голова в кепочке; зловеще пыхтя трубкой, молча- глубокомысленно кивнула вторая голова; а перед самым носом Ивана заворазивающе тихо закачалась в синей фуражке с красным околышком – третья.

Ой, лишенько ... перекрестился Иван и плюнул в сторону.

Сколько народу стубил Змей проклятый – не счесть!

Эх, Ванятко, Ванятко ... тяжко-то как ... Рубить-то так вот с плеча и не

надо было. При одной-то голове куды оно как легче жилось. Охо-хо ... грехи наши тяжкие.

Занедужил Иван, еле ноги таскает. А сам мечту лелеет – дай Бог поправлюсь, изловчусь и срублю все три башки поганные.

– А вот этого-то, Соколик, делать-то и не надоть – в самое ухо старушонка прошамкала.

– Ой, бабушка-задворенка, каким ветром тебя надуло?

– Ветром аль не ветром, а бабку послушай, дело говорю – старуха обиженно заморгала подслеповатыми глазёнками и губы поджала.

– Не сердчай, старая, прости коль обидел, может и впрямь словом пособишь.

– Не сердчай ..., ишь ..., больно умные стали. Помолчала.

– Ладно. Слухай, чо скажу. Мечом не махай больше. Не надоть этого.

Заместо трёх пять голов вырастет. Ага ... неча глаза-то таращить. Как говорю так и будет, упаси Господи. Ну вот, значит, не бессмертный он, ни-и ... есть его смертушка, есть, токмо далече запрятана. Я тя травкою отпою, как оклемаешься, пойдёшь куды скажу. Так-то. Ни словечка никому. Понял? Всё. Пойдём ужинать. Никинька, не упрямься. Мама ждёт, да и я кушать хочу. А кашка вкусенькая.

– А какая?

– Манная с малиновым вареньем. Хорошо покушаешь, бабушка дальше расскажет. Да?

– А как же, конечно расскажу.

Ники быстро, по-деловому управляется с кашей. – Всё!

– Умница – мама целует. – Пойдём уложу тебя.

– А сказочка-а-а-а ...

– Будет тебе сказочка. Доем и расскажу.

– Колюшка, дай отдохнуть бабушке. Про Змея-Горыныча ты сам всё прекрасно знаешь.

– А вот и нет, вот и нет, папочка. У нас Горыныч теперь бабушкин. У него может пять голов вырасти, даже тысяча сто голов может вырасти! Вот, даже вот как!

– Соня, как он возбудился ... тысяча сто голов – дедушка пожимает плечами – не заснёт теперь.

– Не волнуйся. Прекрасно заснёт. Ну вот ... и пошёл Иван смерть Горыныча добывать.

– А бабка?

– Да, она ему сказала, что смерть Змея на конце иглы, игла в яйце, яйцо в утке, а утка в зайце.

– Ты же не так говоришь ..., по бабкиному надо, её голосом, заговорно. «Слухай милок» надо.

– Что, Софья Александровна, не удалось схалтурить?

– Не хамтурь, не хамтурь бабушка.

Все смеются.

– Три месяца и три дня лечила бабка Ивана, травками разными отпаивала. Опять Иван в силу вошёл. И вот, как-то поздним вечером шепчет она ему: «Слухай милок, чо скажу. Надоть тебе за смертью Змея идтить. Время Соколик. Как до горы дойти – это сам знаешь. А как будешь гору-то обходить, то, на вот тебе фуражечку (достала бабка синюю фуражку с красным околышком). Наденешь её и смело иди, никого не бойсь и песню

лихо эдак спевай»

– Какую песню-то, бабушка?

– Да ты что ж, милоч, песен не знаешь что ль? «По долинам и по взгорьям» – в самый раз будет.

Ну Иван тут же и загорланил: «По долинам и по-о ...»

– Тихо! ... вот горе мне с тобой.

Тук-тук ... тук-тук-тук ... в окошко.

Переглянулись. Привздохнула бабушка-задворенка, прислушалась.

– Веточка то постучала ... упреждает. Значится гору Змееву с песней обойдёшь, это чтоб сова, волк, медведь, али сам Горыныч, ежели что, тебя за своего приняли.

– Понял бабушка.

– Дальше лес большой будет, поле, болото, а там, через небольшой лесочек вот так прямо к реке-то и выйдешь, а там всё по-над берегом, по-над берегом к мосту подойдёшь. Мост-от большой, сам увидишь. Уразумел Соколик?

– Уразумел бабушка.

– А вот уж как мост-от перейдёшь так всё иди, иди по солнцу, куды оно прячется. Много стран разных пройдёшь и выйдешь, стало быть, к морю синему. Ох, чуть не запамятовала. Королевишна в тех краях живёт, ничего девка, видная, не из дурных. Ума среднего. Хвалиться любит – страсть! Делает на копейку сделает, да ещё в свой карман и положит. Ох-хо-хо ... На королевишну не гляди, своей дорогой иди. Так значится ..., выйдешь к морю синему, там где солнце прячется ... и увидишь ветряную мельницу. Мельничиха там раскрасавица, душа добрая. Она про зайца, в котором утка с яйцом и иглою-то, знает. Ложись, поспи, милоч, чуть светать станет – разбуджу.

Утром ранёхонько разбудила бабка Ивана. Хорошо накормила, пирогов в котомку положила.

– Удачи тебе, Сокол Ясный, на вот гусельки, авось пригодятся.

И пошёл Иван в своё долгое странствие. Гору Змея-Горыныча без приключений обошёл, (всё сделал, как бабка наказала – и фуражку надел, и песню лихо во всё горло пел) большой лес, поле, болото прошёл, а как в маленький лесочек заходить стал, что-то притомило его. Лёг под кусточек на пригорочке и заснул. Проснулся – шум непонятный за кустом-то. Ветви раздвинул, а там! – капкан лисицу схватил, а она-то, бедная, мечется, а она-то мечется! Ах ты, бедолага маленькая! Ну, капкан-то и раздвинул, лисица – прыг! ... побежала, только хвостик рыжий мелькнул. Ишь ..., шустрая.

Дальше пошёл Иван. А как из лесочка-то выходить стал, видит, прямо

близ тропочки птенчик чёрненький трепыхается. Подобрал птаху Иванушка, дует тихонько, поглаживает, успокаивает: «Не бойся миленький, худого не сделаю.» Отыскал Иван воронье гнездо, положил в него птенчика. Ишь, маленький лесок, а невезучий какой.

Нет конца пути-дороженьки, всё идёт, идёт Иванушка. Вот дугою серебристою река раскинулась, а над нею в разноцветье радуга улыбается, во взаимном чарованьи-любованьи нежатся. Не скупится Мать-Земля приукраситься. Ой, вы Реки-речки-реченьки, красота ваша – Божественна! Радость-гордость Земли-Матушки ... любованье наше вечное. С высокого берега спустился Иванушка, а под бережком-то рыбаки костёр жгут. Щука в

траве томится. А глаза, глаз-то её – че-ло-ве-чьи?! Э-эх ... была не была.
– Здравствуйте, люди добрые – в пояс кланяется. – Заночевать у костра разрешите?
– Садись, мил человек, места хватит.
– Давайте щуку на гусли сменяем, а?
– Чудно говоришь-то. А вечерять чем станем?
– Не простые гусли мои – сами играют.
– Как так? Покажи.
Запели-зазвенели чудо-гусельки, река-реченька всколыхнулась – волны в тон чудо-гуселькам плещутся; ветер томно вздохнул – листву всколыхнул; Солнце Красное замерло – красотой заслушалось.
– А не жаль тебе таких гуселек?
Вздохнул Иван. Гусли отдал. Щуку в реку выпустил. И пошёл дальше путём-дороженькой.
Наконец-то море синее ... водицы-то сколь ... ой-ёй-ёй ... речек-то сюды поди вылилось ... не счесть. Может и щука моя здесь гуляется ...
Вот и мельница! Ай, красавица! Ишь как крыльями-то, так и хлопает, хлопает!
– Из каких краёв будешь молодец?
– Да вон с той горы, красавица.
Головой покачала. – Издалече идёшь. У нас таких пригожих не найдёшь.
Глаза встретились, не расстанутся. Чуден миг тот, что часом кажется.
– Звать-то как?
– Иван. А тебя?
– Мари я – тихо молвила и пошла, лебёдушкой поплыла.
Э-эх! ... пошёл к мельнице. Опять встретились.
– Ты что ль мельничиха?
– Я, стало быть.
– До тебя шёл – брови вскинула – рассказывают, про зайца знаешь ты.
– Эх, какой! – нахмурилась, взволновалась грудь, глаза вспыхнули.
Огляделась ... успокоилась. – В дом пойдём.
– На какой предмет заяц надобен? – напряглась сама, голос, что металл.
Рассказал ей всё Иван.
А она, словно снег бела, губку алую прикусила, про Ивана словно забыла. Солнце за море не торопится, соловей поёт, время замерло. Сердце песнью той разрывается, словно с жизнью своей он прощается.
– Плохо может тебе, Марьюшка?
– Нет, не плохо мне – сказала, что простонала.
– Что про зайца молчишь?
– Он, вот за тем холмом. С виду только заяц-то он. Всё притворно в нём – нечисть злобая, хитрость подлая, слабость мнимая, тварь чванливая. Как словить его, мне не ведомо. Не ходи туда Свет-Иванушка!
– Надо Марьюшка. Должен я.
Неужель их удел расставание, эхом сладостным плакаться, кликаться.
Светом тысячи звёзд их сияет звезда, ослепила на миг томные небеса, и не знает никто, что она была, высоко, далеко полетела она. Не вставало б ты Солнце Красное, вечно длилась бы ночь прекрасная. Пробудилось оно, поднимается, уж пунцовым румянцем заря занимается.
– Не тревожься, душа моя, Марьюшка.

– Бог храни тебя, Свет-Иванушка.

Опечалилось Солнце Красное, тучей серую принакрылося.

За холмом, за тем, серость скучная, ни кусточка там, ни травиночки.

Дождик моросит, маятно. Попривыкли глаза к нудной серости. Вон он – заяц сидит, от злобы дрожит, с холмом серым сливается, пакостно ухмыляется.

– Эге ... вот ты какой ...

Ой-Ой – прохрипело.

Ой-ой ой-ой – проверещало.

– Эвона что ...

что-что-что, что-что-что – совы хохочут, крыльями хлопочут.

Над холмом туча чёрная корёжится. Поцеловал крест Иван, перекрестился и давай молитвы громко читать, песнопения церковные во

весь голос петь. Э-эх ... чудо-гусельки б сюда! Что ж ты, нечисть поганая не кликаешься?

А серость-то вокруг и поубавилась: небо чистое, солнце ясное, ветерок порхает – Ивана ласкает, кукушка чуть слышно кукует, словно воркует.

А зайца-то и след простыл. Исчез пакостник. Вдруг страшный вопль тишину пронзил. Иван подскочил. Среди камней возня слышится, лиса зайца одолеть силится. Подоспел Иван во время – резко выдернул из зайца гнусь скользкую – Ох! Что ж ты бабка варежки-то в котомку не кинула?

Кря-кря ... кря-кря – хрипло, надсадно утка кричит, из рук крепких вырваться норовит. Жук навозный мощно гудит, на Ивана летит. Отмахнулся рукой – Ой! – утка плюхнулась, ловко взлетела и ... полетела.

Ветер облако мчит, ворон в облаке спешит. Плача злобится тучка серая – обошло меня облачко белое. Ворон утку догнал, уж трепал её, трепал. С перепугу яйцо в море ринулось. Не во время чёрт принёс тучку серую, не дала ворону яйцо подхватить пакость скверная. Ветер в гневе тучку погнал – всю растрепал.

Журавли стоном дальним курлычат; печаль-солнце в тучи клонится; соловушка, тоскуя, плачется; ворон над бурливыми волнами мечется. На

холме Иван сидит – скорбно на море глядит. А лиса тявкает, тявкает, тявкает, теребит, зовёт, требует. И добилась, пошёл с ней Иванушка. К волнам ласковым бежит лисонька. А из недр морских щука выплыла, роковым яйцом Иванушку благодарствует.

Успокоилось море синее, чудно дремлет так, чуть колыхнется. Соловей поёт, нежно трель журчит, под кустом Иван крепко-крепко спит. А Мари не спит – у окна сидит. Месяц златым кудрям дивуется, Мари Прекрасной любитесь. Соловей журчит трелью звончатой: жив-жив-жив-жив-жив-жив ... Отчего ж тревожно так? ... не пойму никак ...

Душно прилегла к лесу туча чёрная, принагнулись сосен вершины пышные.

– Чёртушка, голубчик, отнеси меня к Змею-Горынычу. Дело есть.

– Ась?

– Чин тебе выхлопочу.

– Не обижен чинами я, чай недаром тучку-то нёс.

– Золотым дождём одарю.

– Да откуда ж он у тебя, тучушка? Всё богатство твоё – вода мутная.

– Разорю водой страны Запада, заберут мои вассалы всё золото их.

– Будет золото, тогда и сговоримся.

Затряслась в досаде злобной туча мрачная:

– Ах ты погань – заплевалась – пороссячая!

– Пошла вон! – чёрт визжит – Сраная! Тучища поганая!

Светлым облачком среди тьмы бежит, запыхалась Мари, мельнице говорит: «Поднимай скорей ветер, кормилица!» Страстным вихрем закрутила крылами мельница. Ветер мощный поднялся. Гневный смерч швырнул за океан-море-Великое тучу чёрную – чтобы в землях тех не поганилась, с мрачной нечистью не сговаривалась.

На перине пышной, облачной, славно ветер мчит домой Свет-

Иванушку. Заря утренняя улыбается, алой розою распускается. Пробудился

Иван – солнце глаза слепит. Зевнул, потянулся, дивуется – ох, чудны дела

твои Господи – на горе лежит, среди камешков. Гля! ... Горыныч стоит, лыбится! Футы-

нуты, щёголем-то каким вырядился! На одной голове шляпа

фетровая красуется, на другой пирожок каракулевый болтается, а на третьей

парик с чёлкой пристроил ещё и очки для интеллигентности нацепил. И

стоит весь из себя, хорохорится. Все три головы одновременно

разнообразнейший вздор несут, а хвост, туды-сюды, туды-сюды, мотыляется.

Улучил момент Иван, да как вонзит ему иголочку в самый кончик хвоста!

Зашатался, потускнел Змеюшка, весь скукожился, головушки его

приобнялися и ... тихо скончался Змей-Горыныч в беспамятстве. Помер.

– А дальше?

– Что дальше? Кончился Змей-Горыныч.

– А про царство-государство Прекрасное, где правят праведники?

– Это будет завтра. Ники, Алиса спит уже давно. А какие сны видит ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.